

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛЕБЕДЯНИ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Н. А. Тропин

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Поступила 16 августа 2022 г.

Аннотация: исследуются результаты археологических работ в историческом центре г. Лебедянь Липецкой области. Внимание акцентируется на древнерусский период в ее истории. Новизна исследования определяется введением в научный оборот ранее неопубликованного материала и его первичным анализом. Важнейшим итогом разведочных работ на начальном этапе исследования стало определение границы распространения культурного слоя древнерусского времени и его датировка второй половиной XII – XIV вв. Раскопки 2020–2021 гг. зафиксировали разные типы древнерусских памятников – селище второй половины XIII – начала XIV в. и могильник первой половины – середины XIV в. Отметим, что селище уже прекратило свое бытование к моменту начала функционирования кладбища. Кладбище формировалось на краю запустевшего селища. Вероятно, что в третьей четверти XIV в. жизнь на поселениях древнерусской Лебедяни прекращается.

Ключевые слова: Тяпкина гора, исторический центр г. Лебедянь, культурный слой, древнерусское селище, грунтовый могильник, средневековая керамика, импортная керамика.

Abstract: the results of archaeological work in different years in the historical center of Lebedyan, Lipetsk region. Attention is focused on the Old Russian period in its history. The novelty of the research is determined by the introduction into scientific circulation of previously unpublished material and its primary analysis. The most important result of exploration work at the initial stage of the study was the determination of the boundary of the spread of the cultural layer of the Old Russian time and its dating to the second half of the XII – XIV centuries. Excavations in 2020–2021 recorded different types of ancient Russian monuments – a settlement of the second half of the XIII – early XIV centuries and a burial ground of the first half – mid XIV centuries. The settlement had already ceased to exist by the time the cemetery began functioning. The cemetery was formed on the edge of a deserted village. It is likely that in the third quarter of the XIV century. life in the settlements of the Old Russian Swan stops.

Key words: Tyapkina Mountain, historical center of Lebedyan, cultural layer, ancient Russian settlement, ground burial ground, medieval ceramics, imported ceramics.

В истории археологического изучения средневековой (древнерусский период) Лебедяни можно констатировать факт, что этот объект археологического наследия (ОАН «Культурный слой г. Лебедянь») никогда не изучался целенаправленными научными раскопками. Приоритетным направлением в его исследовании были спасательные (охранные) работы, руководители которых не ставили задачу полной публикации их результатов, даже в пределах полевого сезона, и игнорировали проведение научно-естественных анализов полученного материала.

Вместе с тем результаты археологических исследований за последние тридцать лет (1990–2020-е гг.) позволяют говорить о том, что Лебедянь в XII–XIV вв. была значимым поселением на Верхнем Дону. Среди исторических центров городов в Верхнем Подонье по степени информативности материалов она, пожалуй, занимает третье место после результативности

исследований Семилюкского городища и исторического центра Ельца.

Интерес к средневековой Лебедяни усиливает публикация А. И. Гамаюнова документов XVII в. [1]. Он обращает внимание, что еще до постройки крепости существовало упоминаемое в 1605 г. поселение «Лебедянское городище», которое в 1612 г. звучит как «сельцо Лебедянское городище» [там же, с. 55–56, 93]. Историк, ссылаясь на Писцовую книгу 1627/28 г., констатирует, что при строительстве крепости ее «малый острог» был вписан в небольшое пространство более раннего городища. «А в место городища Малый острог дубовый, з дву сторон два рва... А длина острогу вдоль пятьдесят сажень, поперег тридцать сажень» [там же, с. 76–77, 148]. Картографический материал 1780-х гг. отражает факт наличия древнего рва, отсекающего мысовую часть пространства от плато [там же, с. 80–82].

К сожалению, раскопки на этом участке с целью поиска укреплений и их датировки пока не проводились. Городище может датироваться по-разному.

Известно, что культурные слои Лебедяни содержат находки не только древнерусского времени, но и раннего железного века. Однако, если учесть концентрацию древнерусских материалов в историческом центре города, то предпочтительнее предполагать высокую вероятность нахождения древнерусского городища.

Цель нашего исследования – акцентировать внимание на результатах работ в разные годы и обобщить сведения по древнерусскому периоду в истории Лебедяни.

Исторический центр г. Лебедянь расположен на высоком правом коренном берегу р. Дон, на известняковом фундаменте Среднерусской возвышенности

(рис. 1). Высота площадки 25–30 м от уровня уреза воды р. Дон. Историческое ядро подчеркнута Тяпкиной горой (топоним XVII в.), одним из высоких участков в городе, где в XVII – начале XVIII в. находилась крепость. Возвышенный участок сложен из плиточного известняка, обнажения которого отвесно обращены к Дону, а также к ручью Городянке, за которым начинается надпойменно-террасовый тип местности, своего рода Подол, выходящий к берегу Дона с исторической застройкой (Покрова-Инвалидное). К северу от исторического центра города наблюдается плавное понижение к р. Ракитянка, где сформирован ландшафт высокой береговой террасы, чередующийся с участками высокой поймы.

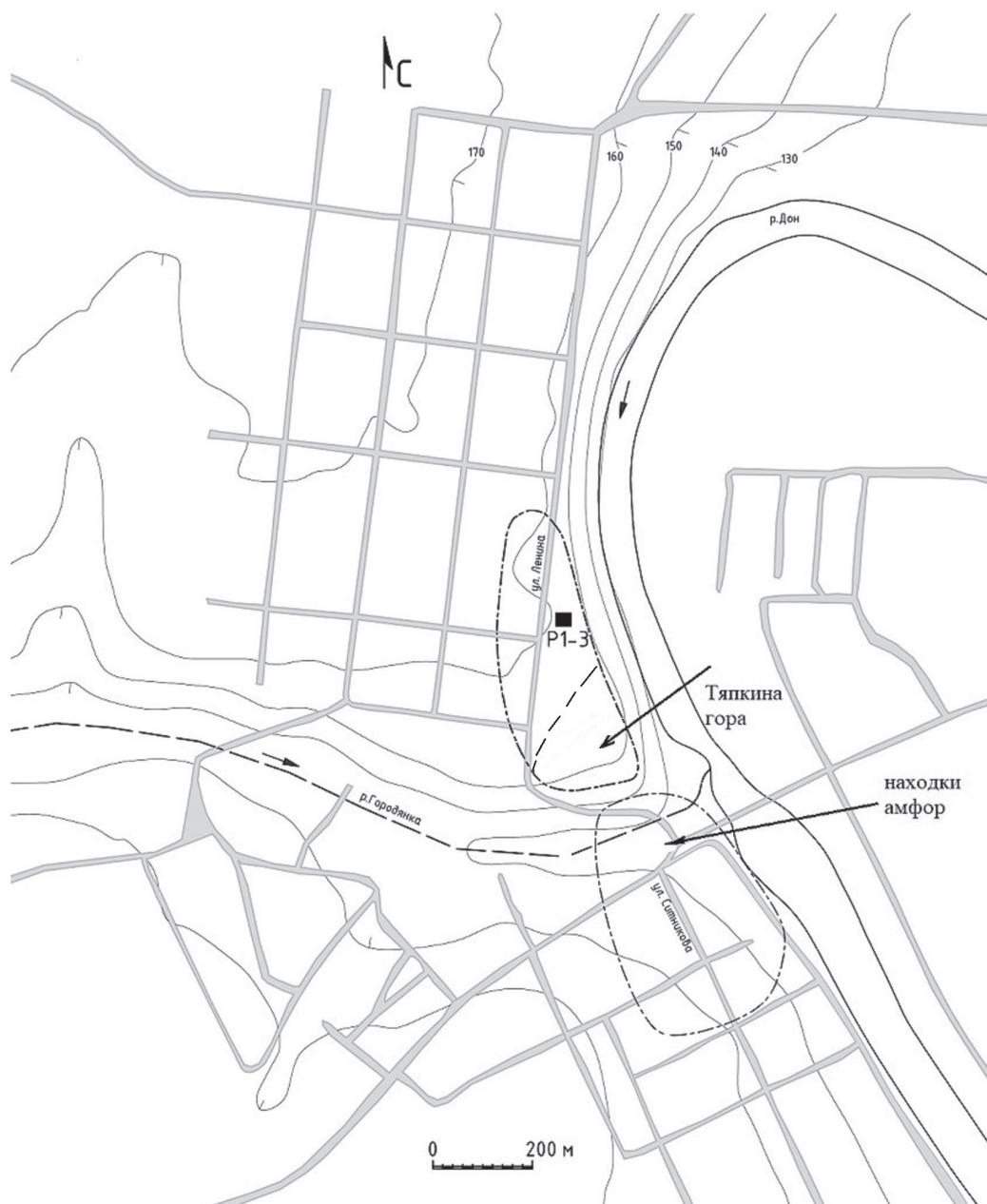

Рис. 1. Границы распространения древнерусского культурного слоя в Лебедяни. Поселение Тяпкина гора и поселение Покрова-Инвалидное

Первые любительские археологические наблюдения в Лебедяни были совершены в 1960-х гг. историком-краеведом П. М. Черменским, наблюдавшим за строительными работами на территории бывшей крепости. В 1985 г. краеведом А. Ю. Клоковым была осмотрена территория Тяпкиной горы. При наблюдении им за земляными работами на ул. Ленина (дома № 11а–15) были зафиксированы два керамических горна древнерусского времени, собрана керамика, найден стеклянный браслет. Результаты работ были частично опубликованы [2].

Впервые детальное научное обследование исторической части города методом закладки шурфов проведено в 1993 г., а затем продолжено в 2002 г. И. Е. Бирюковым, сотрудником Дирекции по охране историко-культурного наследия Липецкой области. На мысовом участке и прилегающей к устью Городянки территории было заложено 25 шурфов, 4 зачистки. В результате определены границы распространения культурного слоя, его мощность и культурно-хронологическая принадлежность, выделены участки концентрации находок по эпохам. Установлено, что наиболее ранние материалы относятся к мезолиту (VII–VI тыс. до н. э.) и неолиту (VI–IV тыс. до н. э.). В незначительном количестве зафиксированы материалы срубной культуры бронзового века (вторая половина II тыс. до н. э.). Почти повсеместно в исторической части города встречается керамика городецкой культуры раннего железного века (V–III вв. до н. э.).

Важнейшим итогом разведочных работ стало определение границы распространения культурного слоя древнерусского времени и его датировка второй половиной XII – XIV вв. Установлено, что древнерусское поселение Тяпкина гора располагалось на правом берегу Дона от Тяпкиной горы и выше по течению реки до 500 м, его ширина составляла 35–300 м (35–300 × 500 м) (см. рис. 1).

Южнее Тяпкиной горы и ручья Городянки, на высокой первой надпойменной террасе также зафиксирован культурный слой этого времени на площади в 200 × 400 м (Покрова-Инвалидное). В итоге общая площадь распространения культурного слоя древнерусского времени составила более 20 га, что выглядит внушительным для сельского поселения. К сожалению, результаты разведочных работ пока не получили подробной публикации.

В 2003 г. во время строительных работ у восточной ограды церкви Рождества Богородицы, в 100 м от берега р. Дон (Покрова-Инвалидное) в обнажении слоя случайно были обнаружены три амфоры и пифос XIII – начала XIV в. (рис. 2). Находки оказались в поле зрения лебедянского краеведа К. О. Надова, и три сосуда были опубликованы [3]. На их поверхности имелись граффити. Важность находок состоит в том, что они найдены вблизи р. Дон на участке, своего рода Подола. Они указывают на торговое значение Лебедяни и зажиточность владельца. К сожалению, контекст обнаружения тарной посуды остался незафиксированным.

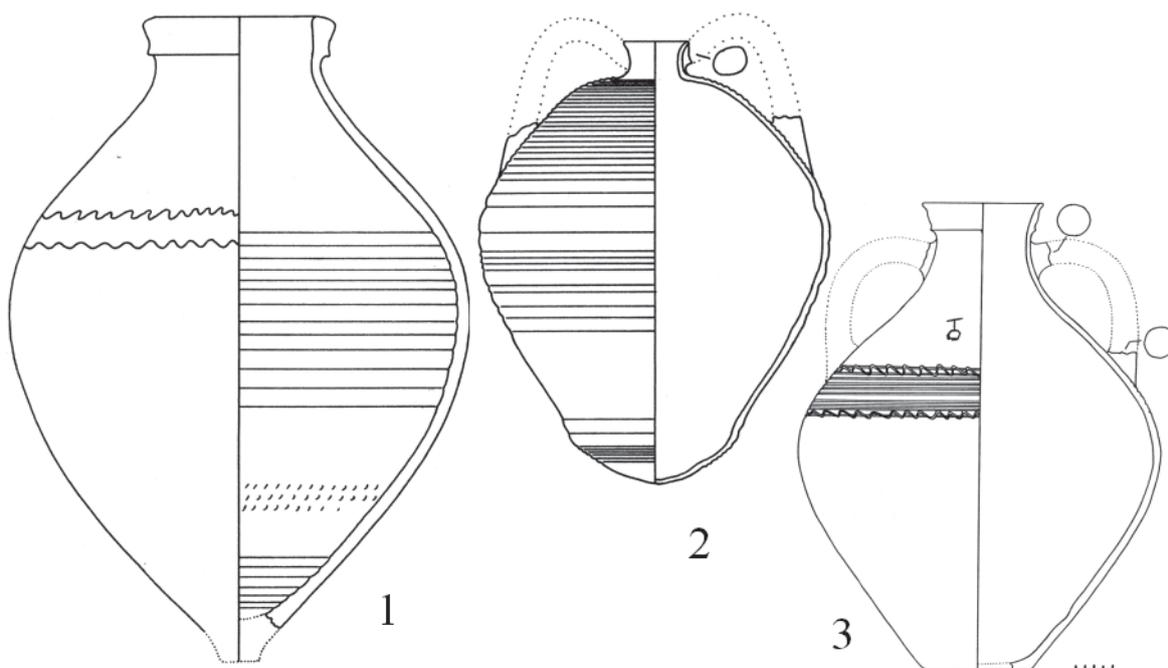

Рис. 2. Находки импортных сосудов у ограды церкви Рождества Христова в 2003 г.

Исследования других археологов не дали сколь-нибудь значительной информации о древнерусском периоде в истории Лебедяни, однако способствовали изучению культурного слоя города XVII–XIX вв. (М. В. Ивашов, 2004; А. Н. Голотвин, 2008; Н. Е. Чалых, 2008, 2011; А. В. Моисеев, 2008; А. Е. Ерохин, 2013; А. А. Свиридов, 2014; С. В. Уваркин, 2015–2016; А. А. Куличков, 2019–2020; В. В. Скintкайтис, 2019). К сожалению, результаты их исследований, преимущественно сотрудников ООО «Черноземье», остаются неопубликованными, за исключением в лучшем случае фрагментарных заметок в «Археологических открытиях» и других аннотированных изданиях [4; 5].

Важным событием в изучении древнерусской Лебедяни можно считать раскопки 2020–2021 гг. на месте строительства Дворца бракосочетания по ул. Ленина (поселение Тяпкина гора). Они проводились экспедицией ООО «МЦАИ» (г. Тамбов) под руководством автора. Раскопками исследована площадь 1023 м² (раскоп 3), которая продолжила работы 2019–2020 гг. ООО «Черноземье», вскрывшей 315,6 м² (раскопы 1–2).

Установлено, что культурный слой многократно подвергался антропогенному воздействию. На западном и южном участках он был значительно поврежден строителями на глубину 0,3–0,4 м (изрыт или срезан). Лучшую сохранность представлял слой на восточных участках раскопа, хотя при благоустройстве парка еще в советское время его часть была смещена в сторону р. Дон, сооружена детская площадка с посадкой деревьев.

В культурном слое верхним горизонтом выделяется чернозем темно-серого цвета мощностью 0,2–0,5 м. На восточных участках его мощность возрастает до 0,8 м. Нижний горизонт мощностью 0,1–0,15 м представлен предматериковым темно-коричневым суглинком. Материк – суглинок светло-коричневого цвета, местами с выходом плиточного известняка и песка. При раскопках углубленных в материк объектов фиксировался материковый песок.

На крайних западных участках раскопа, вдоль ул. Ленина, культурный слой отсутствовал из-за прокладки траншеи городской канализации в советское время. Поверхность представлена насыпным техногенным грунтом светло-серого цвета, который частично перекрывал участки с сохранившимся культурным слоем. Понимание состояния культурного слоя важно, так как оно объясняет низкую степень сохранности древних сооружений.

Массовый материал представлен фрагментами посуды трех эпох: ранним железным веком (10 фрагментов), древнерусским временем (серединой XIII – XIV вв., 263 фрагмента), поздним Средневековьем и началом Нового времени (XVII – началом XVIII вв., более 4 тыс. фрагментов). Найдены 42 индивидуаль-

ные находки, из которых лишь четыре относятся к древнерусскому времени. Изучены 43 сооружения (объекты) и 95 грунтовых погребений (рис. 3).

Сконцентрируем внимание на материалах древнерусского времени, с которым соотносятся 5 хозяйственных построек и 95 погребений. Отметим, что из пяти построек четыре концентрируются в северо-западной части раскопа (объекты № 8, 14, 27, 30). Одна постройка (объект № 39) расположена в южной части раскопа. По форме они подпрямоугольные (объекты № 8, 27), овальная (объект № 14), округлая (объект № 39).

С полной уверенностью сказать, что все сооружения имели хозяйственное назначение, мы не можем. Общеизвестно, что главным (но не единственным) критерием жилой постройки является печь. В нашем случае она не зафиксирована. Считаем, что это произошло по причине разрушения культурного слоя в течение XVII–XXI вв. Однако привлекает внимание объект № 30. Несмотря на свои значительные разрушения с восточной стороны траншеей под газ, он содержал важные косвенные данные, свидетельствующие о том, что это углубленная часть (0,7 × 1,1 м, глубина 0,56 м) наземной жилой постройки. В верхней части его заполнения зафиксированы остатки линзы обожженной глины, высокая насыщенность керамическим материалом (50 фрагментов) и наличие костей животных (6 фрагментов). Очень вероятно, что это останки наземного дома с подпольной ямой.

Менее вероятным как жилище следует считать объект № 27 подпрямоугольной формы. Он также в восточной половине разрушен траншеей под газ. Сохранившиеся размеры формально соответствуют размерам подпольных ям жилищ (1,6 × не менее 1,4 м, глубина до 0,27 м). Его заполнение насыщено фрагментами посуды (47 фрагментов). К сожалению, признаков печи и другого не зафиксировано.

Другие объекты обладают более выраженными признаками хозяйственных сооружений.

Планиграфия древнерусских построек, несмотря на значительные разрушения слоя и материка, указывает, что раскоп попал на окраину селища.

В ходе раскопок отчетливо зафиксировано, что в пяти случаях постройки древнерусского времени перекрываются средневековыми погребениями: объект № 14 погребением 46, объект № 27 погребением 65, объект № 30 перекрывается дважды погребением 67 и 68, объект № 39 – погребением 79. Это наблюдение важно для понимания относительной хронологии бытовых и погребальных объектов. Отметим также, что две хозяйственные постройки перекрываются столбовыми ямами от ограждения территории XXI в.: объекты № 8, 14.

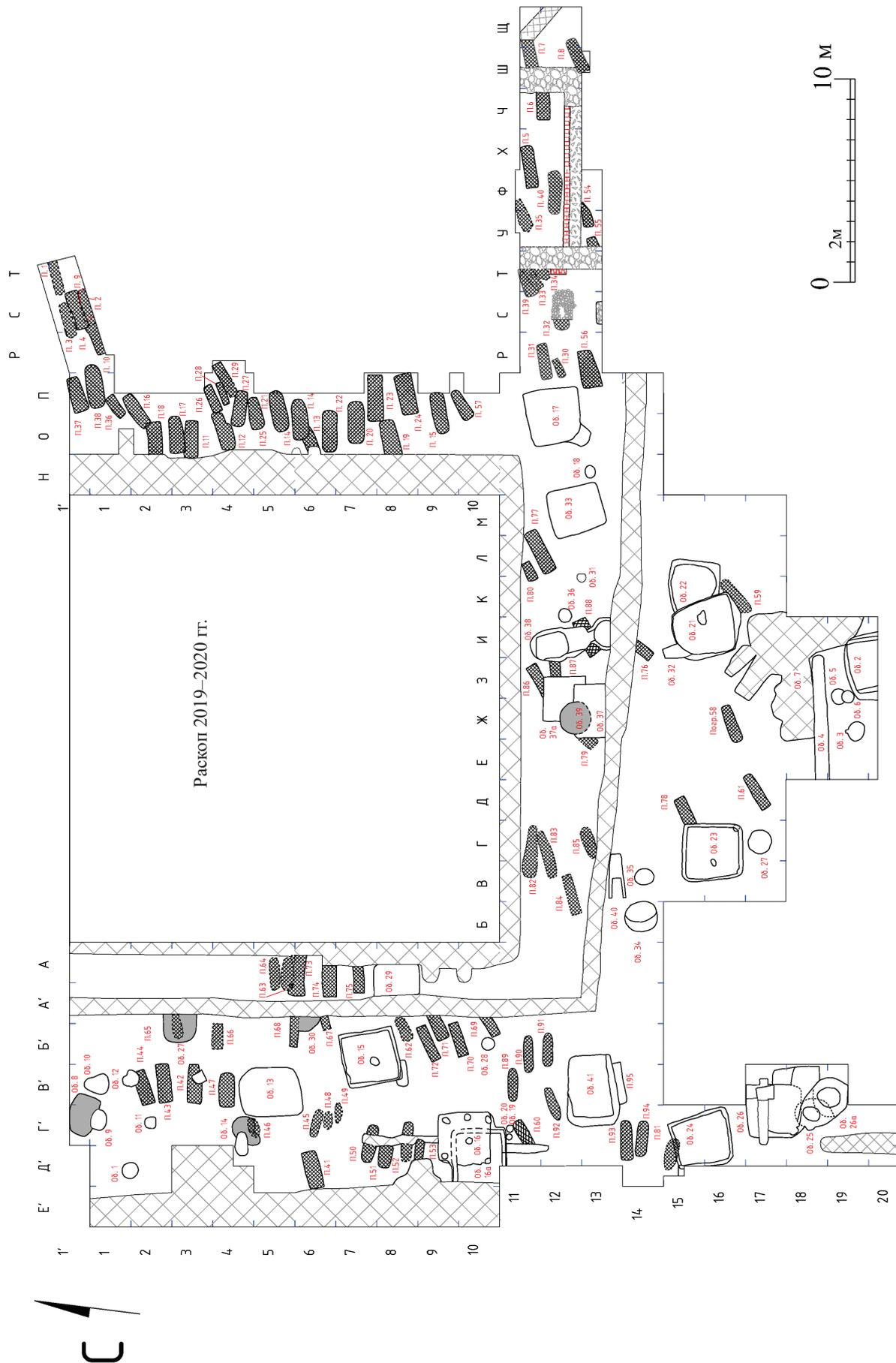

Рис. 3. План раскопа № 3. Условные обозначения: погребения показаны мелкой штриховкой; объекты второй половины XIII – начала XIV в. – сплошной заливкой; участки материка, изрытые строениями, – крупной штриховкой; объекты XVII–XVIII вв. не имеют заливки

К вопросу о хронологии сооружений и погребений мы вернемся ниже.

Рассмотрим погребения. Изученные 95 погребений совершены по христианскому погребальному обряду. Степень сохранности костяков удовлетворительная, за исключением разрушенных погребений. Захоронения совершены в ямах, как углубленных в материк, так и в предматериковом суглинке, некоторые погребения совершены в слое. Глубина залегания костяков в среднем составляет 50–80 см от современной поверхности. Погребения сориентированы по линии запад–восток и с незначительным отклонением головой к юго-западу. Преимущественно руки скрещены и лежат в области живота или таза. В планировке погребений наблюдается линейность, фиксируются также локальные участки (семейные) по половозрастному признаку. Повышенная концентрация погребений фиксируется в восточной части раскопа, на участке, примыкающем к краю террасы р. Дон. В южную сторону плотность захоронений была минимальной.

Исследования показывают, что кладбище формировалось на краю селища после того, когда постройки пришли в запустение, местами частично наложилось на селище. Большинство погребений были безынвентарные. В восьми из них в засыпке встречены фрагменты древнерусской керамики, попавшие из культурного слоя селища. В двух погребениях зафиксированы нательные кресты из медного сплава.

В погребении № 5 найден крест с утолщениями на окончаниях и изображением креста в средокрестии. Его размеры $2 \times 2,5$ см (рис. 4, 1). В погребении № 64 найден крест с криновидными окончаниями и изображением ромба в средокрестии. Размеры $2,1 \times 3$ см (рис. 4, 2). Подобные находки имеют широкие аналогии и датируются исследователями второй половиной XIII – XIV в.

Для определения датировки привлечем две оставшиеся индивидуальные находки из культурного слоя. Одна из них – пряслице, изготовленное из стенки белоглиняного сосуда (рис. 4, 3). Отметим, что традиция изготовления пряслиц из стенок сосудов была весьма характерной для второй половины XIII – XV в. территории Верхнего Дона. Другая находка – удила (рис. 4, 4). Они относятся к VI типу, по А. Н. Кирпичникову. Удила состояли из одного прямого стержня (грызла). Его длина 10 см, диаметр в сечении 1 см. Диаметр кольца – 1,7 см. Этот псалий был распространен в X–XIII вв. [6, с. 17–18].

Индивидуальных находок явно недостаточно для убедительной датировки поселения и могильника. Обратимся к керамике. Прежде всего, отметим, что ее концентрация в культурном слое наблюдается в северо-западной части раскопа, где зафиксировано скопление хозяйственных сооружений этого времени, и что встреченная керамика в сооружениях аналогична той, что из культурного слоя.

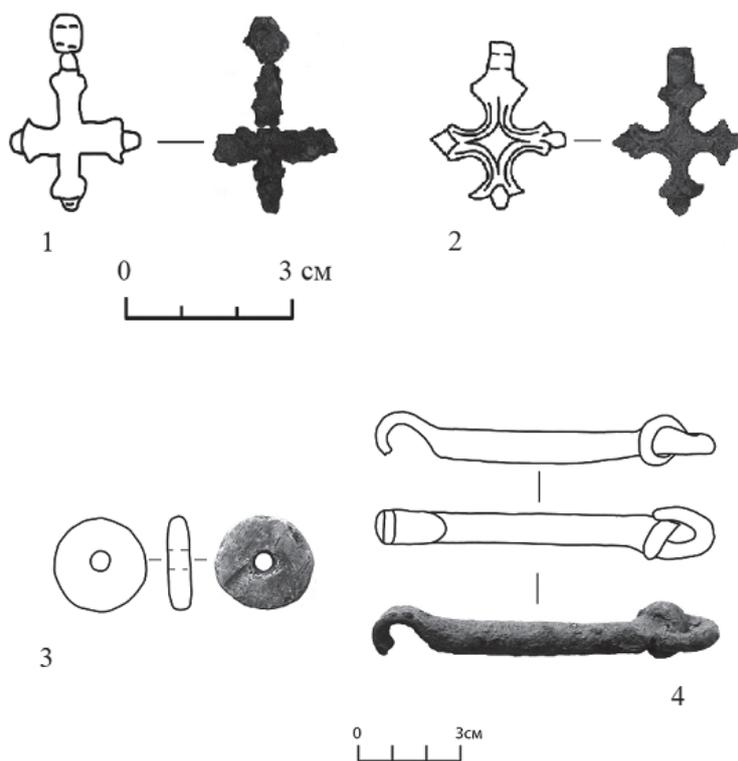

Рис. 4. Находки из слоя (3–4), из погребений (1–2)

Несмотря на свою немногочисленность (263 фрагмента), она информативна: венчиков – 63 фрагмента; стенок – 177 фрагментов; днищ – 23 фрагмента (рис. 5, 6). Преимущественно посуда окислительного

обжига (193 фрагмента, или 74,5 %). Оставшаяся часть – керамика восстановительного обжига (серого цвета) (65 фрагментов, или 24,3 %).

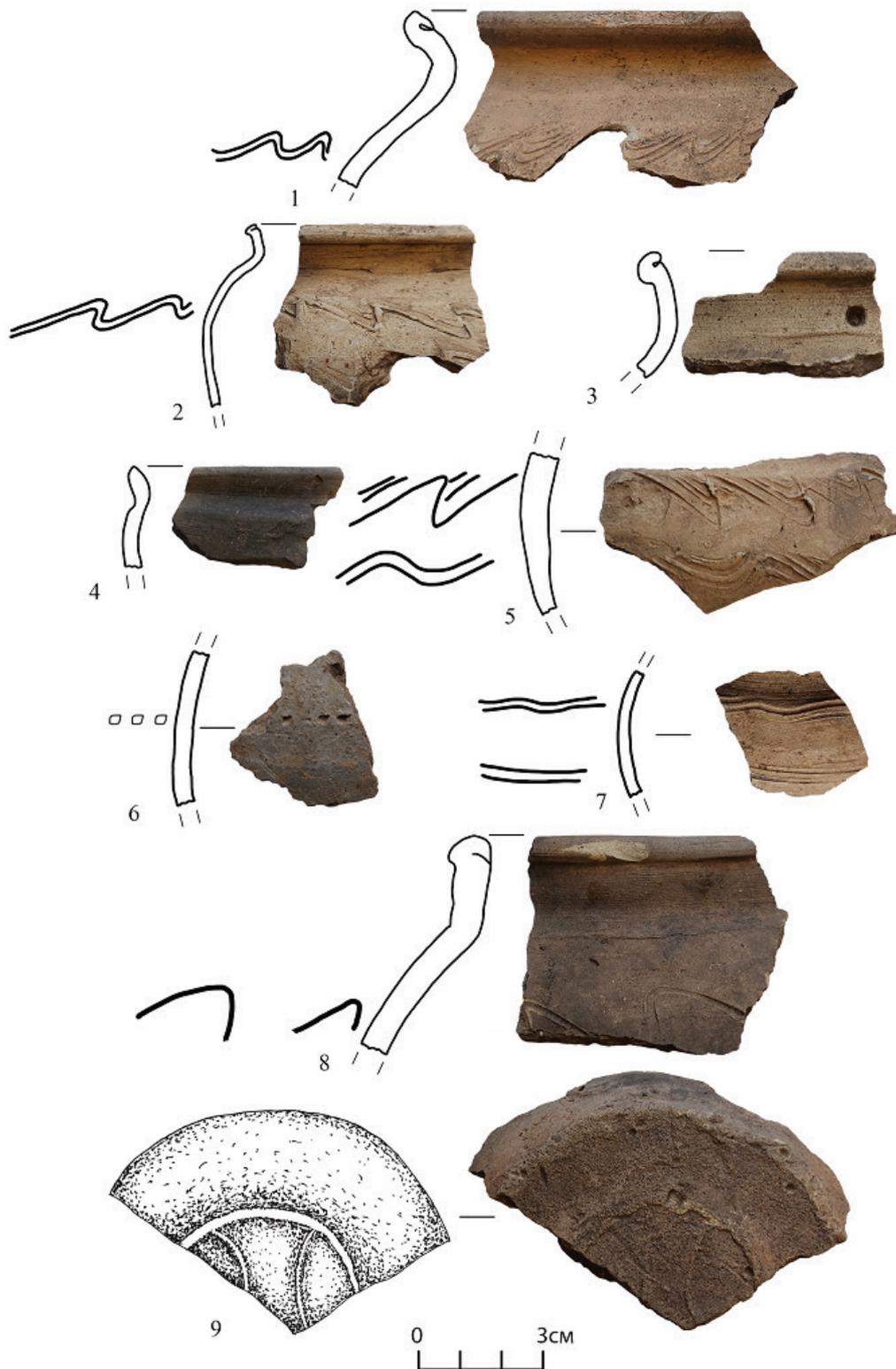

Рис. 5. Керамика второй половины XIII – начала XIV в. с западного участка раскопа. Культурный слой

Рис. 6. Керамика второй половины XIII – начала XIV в. из объекта № 14. 1 пласт

Керамика окислительного обжига изготовлена в основном из красножгущихся глин (138 фрагментов, или 54,2 %), реже – из беложгущихся глин (55 фрагментов, или 20,3 %). Примеси в тесте визуально не просматриваются. Лишь четыре фрагмента керамики содержат в примеси песок. Среди типов посуды по морфологии оформления края венчика преобладают

сосуды, имеющие заворот вовнутрь, образуя наплыв. Явно преобладает волнистый орнамент (47 фрагментов) над линейным (12 фрагментов).

Из 23 донц сосудов 19 не имеют закраин, у четырех закраины. Преобладает песчаная подсыпка донц сосудов (14 фрагментов). Зольной подсыпки меньше (8 фрагментов). 1 донце имеет отпечаток ткани. На

7 днищах фиксируются клейма (6 на песчаной подсыпке, 1 на ткани). Клейма фрагментированы, преобладает изображение круга.

По сумме признаков круговую керамику, а впрочем, и поселение, следует относить ко второй половине XIII – началу XIV в.:

– для этого времени существенно увеличивается доля керамики восстановительного обжига, которая в посуде домонгольского времени встречается в минимальных количествах. Среди лебедянской керамики она составляет 24,3 %. Среди керамической коллекции поселения Рябинки 2 начала XII – начала XIV в. вблизи Ельца она составила суммарно 9,6 % [7]. Для Ростиславля Рязанского в комплексах второй половины XIII в. ее около 10 %, в Коломне – до 40 % [8, с. 92];

– существенно возрастает доля волнистого декора над линейным, и используется гребенка как инструмент для нанесения волнистого орнамента. На лебедянской керамике она составляет 80 % по отношению к линейному декору. От общей же массы керамики (263 фрагмента) она насчитывает 19 % (50 фрагментов). Эти данные подтверждаются результатами раскопок на поселении Березовка-5 в районе Куликова поля, где доля волнистого орнамента составляет 35 % [9, с. 153]. На Семилукском городище второй–третьей четверти XIII в. волнистый декор на посуде составляет 39,4 % [10]. Существенную разницу в показателях этих памятников по отношению к Лебедяни следует объяснить их многотысячной коллекцией, где статистическая выборка выглядит более убедительно. Однако игнорировать малочисленную керамическую коллекцию Лебедяни не стоит, так как она в целом (пока примерно) отражает естественную тенденцию возрастания доли волнистого орнамента и применение при этом гребенки;

– возрастает соотношение зольной подсыпки под донца сосудов относительно песчаной. Среди лебедянской керамики она составляет 1/3 с преобладанием песчаной подсыпки. На Семилукском городище зольная подсыпка явно преобладает (66,5 %). Для Ростиславля Рязанского в комплексах второй половины XIII в. она составляет 20–30 % [8, с. 93];

– доля клейменной посуды составляет 1/3 среди лебедянской керамики. На Семилукском городище она достигает 35 % [11 с. 186], на памятниках района Куликова поля второй половины XIII – начала XIV в. – 19,9 % [12, с. 142].

Датировку грунтового могильника можно определить первой половиной – серединой XIV в. Маловероятно, чтобы его временные границы могли бы уходить во вторую половину XIV в. Игнатий – автор «Хождения митрополита Пимена в Царьград», проплывая по Дону, как раз в трассе средневековых поселений лебедянской округи от 1389 г. сообщает о

запустении территории [13, с. 286]. Впрочем, картина прекращения жизни на русских поселениях в третьей четверти XIV в. иллюстрируется результатами раскопок в районе Куликова поля в верховьях Дона.

Подытожим результаты исследований древнерусской Лебедяни. Раскопки 2020–2021 гг. зафиксировали разные типы древнерусских памятников – селище второй половины XIII – начала XIV в. и могильник первой половины – середины XIV в. Отметим, что селище уже прекратило свое бытование к моменту начала функционирования кладбища.

Нами исследована окраина селища, которая по керамическому материалу относится ко второй половине XIII – началу XIV в. Однако не следует забывать, что рядом с местом раскопок, по адресу ул. Ленина, д. 11а, был найден крученный браслет из стекла бирюзового цвета, что позволяет отнести участок как минимум к предмонгольскому времени [2, с. 153, рис. 1, 3]. Если дальнейшие исследования подтвердят неслучайность этой находки, то нижнюю границу селища как минимум можно отнести к 1220–1230-м гг.

Со временем можно прогнозировать обнаружение селища первой половины XIV в. – современника кладбища. Учитывая границу распространения древнерусского культурного слоя, логичнее его видеть южнее территории распространения могильника, ближе к Дону. Что касается древнерусского лебедянского городища на Тяпкиной горе, то только лишь раскопки остатков укреплений позволят отнести его к реальности или гипотезе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамаюнов А. И. Лебедянь в начале XVII века / А. И. Гамаюнов // Исторический квартал. Вып. 3. – Липецк : Древлехранилище, 2013. – 240 с.
2. Клоков А. Ю. Находки XII – первой половины XIII вв. из исторического центра г. Лебедяни / А. Ю. Клоков, Н. А. Тропин // Археологические памятники лесостепного Подонья. – Липецк : Ориус, 1996. – С. 157–160.
3. Коваль В. Ю. Находки византийской тарной керамики в Лебедяни / В. Ю. Коваль, К. О. Надов // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3. – Липецк, 2007. – С. 259–266.
4. Голотвин А. Н. Исследования в городах Липецк и Лебедянь Липецкой области / А. Н. Голотвин // Археологические открытия 2008 года. – М. : Наука, 2011. – С. 125–126.
5. Моисеев А. В. Раскопки поселения Лебедянь / А. В. Моисеев, И. Е. Бирюков, А. Н. Голотвин // Археологические открытия 2008 года. – М. : Наука, 2011. – С. 184–185.
6. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – Л. : Наука, 1973. – 137 с. – (САИ. Вып. 1–36).

7. Тропин Н. А. Керамика XI – начала XIV вв. средневекового поселения Рябинки 2 в елецкой округе / Н. А. Тропин // *Filo Ariadne*. – 2019. – № 1. – URL: filoariadne.esrae.ru/15-263 (дата обращения: 27.07.2022).

8. Коваль В. Ю. Заметки о керамологии Рязанской земли : трансформация на переломе эпох / В. Ю. Коваль // *Древности Поочья* : сб. науч. тр. к 60-летию В. В. Судакова. – Рязань : РИКО, 2016. – С. 88–103.

9. Гоняный М. И. Поселение 2-й половины XIII – нач. XIV вв. Березовка 5 на Куликовом поле / М. И. Гоняный, В. П. Гриценко // *Куликово поле : вопросы историко-культурного наследия*. – Тула : Тульский полиграфист, 2000. – С. 144–165.

10. Скинкайтис В. В. Гончарное производство Семилукского городища / В. В. Скинкайтис // *История : факты и символы*. – 2016. – № 4 (9). – С. 59–77.

11. Цыбин М. В. Древнерусское Семилукское городище : вопросы хронологии / М. В. Цыбин // *Средневековый город Юго-восточной Руси. Предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура : материалы Междунар. науч. конф.* – Курск : КГОМА, 2009. – С. 186–189.

12. Гоняный М. И. Древнерусские гончарные клейма XII–XIV вв. района Куликова поля (опыт систематизации и осмысления семантики) / М. И. Гоняный, О. Н. Заидов // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России : сб. ст. : в 2 т. Т. 1. Археология. – Тула : ООО РИФ ИН-ФРА, 2002. – С. 130–152.

13. Малето Е. И. Антология Хожений русских путешественников. XII–XV века. Исследования, тексты, комментарии / Е. И. Малето. – М. : Наука, 2005. – 438 с.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Тропин Н. А., доктор исторических наук, старший научный сотрудник

E-mail: tropin2003@list.ru

*Yelets State University named after I. A. Bunin
Tropin N. A., Doctor of Historical Sciences, Senior
Researcher*

E-mail: tropin2003@list.ru